

Российская Академия Наук
Институт философии

ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Выпуск 11

Москва
2011

Содержание

ЭТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

<i>Апресян Р.Г.</i> Коммуникативный источник морального должествования	5
<i>Максимов Л.В.</i> «Коперниканский переворот» Канта в эпистемологии и проблема моральной допустимости лжи	30

ИСТОРИЯ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

<i>Зубец О.П.</i> Megalopsychos, Magnanimus, Величавый	53
<i>Серебрянский Д.С.</i> Классический утилитаризм: основные теоретические проблемы	90
<i>Александров Л.Г.</i> Этика Г.С.Сковороды в «просвещенную» эпоху «раздвоения» морали	105

НОРМАТИВНАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА

<i>Скарантино Л.М.</i> Насилие и великодушие: эпистемный подход	120
<i>Прокофьев А.В.</i> Климатическая справедливость: российский контекст	140
<i>Дженкс К.</i> После Беслана: детство, сложность и риск	164
Резюме	191
Summary	195
Об авторах	197

Крис Дженкс

После Беслана: детство, сложность и риск

В одном из ранних манифестов начала постмодернистской мысли Лиотар¹ в манере одновременно критической и провокационной смещает теоретика. Вслед за Ницше, который презирал и отвергал западную рациональность из-за ее робости и конформизма, Лиотар иронизирует над достоверностью, или, более фундаментально, над приверженностью к достоверности в модернистском проекте. Школы мысли, традиции, концепции, парадигмы, все позиции, с трудом выигранные в исторической битве интеллекта, нивелируются. Сам авторитет знания ставится под вопрос. Для Лиотара предполагаемые различия между моральными и политическими позициями имеют такое же значение, как и языковые игры. Теоретик, самость, происходит из перекрещиваний и соединений этих игр, из «*differend*», синапса, через который протекают различные послания. Битва за знак явно началась, без обоснования прежних утверждений. Единственное правило, которое можно вывести из подобного способа мышления, состоит в том, что правил нет, и такой парадоксальный запрет на правила был быстро усвоен широкими академическими кругами. Некоторые полагают, что социальная теория, обремененная такими путями, сможет выжить только случайно, однако многие другие считали такой ход событий ренессансом, новым путем вперед.

Описания постмодернизма и обобщения в отношении него множились с начала 1980-х, и здесь нет нужды их повторять, достаточно указать на тот факт, что возник ли постмодернизм из структурных (или деструктурирующих) условий постмодерности (*postmoder-*

¹ См.: *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Пер. Н.А.Шматко. М.–СПб., 1998.

nity) или находится с ними в конфликте, но в соединении с эпистемологией и онтологией он породил новый взгляд на мир и новую достоверность. Последняя поддерживала релятивизм, выражала веру в него, или, по меньшей мере, была не способна противостоять объяснениям, формулируемым в терминах релятивизма.

Конечно, история, предшествующая постмодерну, сама сопротивляется нарративной форме и обращается к гибели другой, еще более великой, истории. Завершающим оказалось то повествование, на которое наложило запрет Просвещение в Европе. Предполагается, что Просвещение установило исторический состав типичных персонажей с типичными мотивами и общей *энтелехией*. Лиотар назвал это «великими нарративами», организующими современную историю. Коротко говоря, разум должен был восторжествовать над верой, человечество должно было стать мерой всех вещей и, расширив свою бесконечную пластичность с помощью современных технологий, должно было победить природу, избавить ее от случайности и поставить на службу человечеству. Время должно было измеряться в контексте перехода от тьмы к свету. Такой переход и скрытую теорию моральной эволюции мы знаем как *прогресс*. Центральность человечества и познавательный субъективизм (по Декарту), в соединении с институционализированным способом рассуждения, который мы называем наукой, стали основой методологии для этого масштабного исторического мировоззрения.

Мировоззрение Просвещения основывалось на консенсусе, или, можно сказать, оно зависело от политики, обеспечивавшей этот консенсус, который сам по себе составляет исторический контекст критики Фуко. Консенсус должен был обеспечить стабильность, благодаря которой проект мог полностью и успешно развернуться. Консенсус, в свою очередь, является историческим контекстом социологической критики. Где постмодерн зависит от консенсуса? Давайте еще раз обратимся к Лиотару:

... консенсус... насилует гетерогенность языковых игр, а инновация появляется всегда из разногласия. Постсовременное знание не является исключительно инструментом властей. Оно также оттачивает нашу чувствительность к различиям и усиливает нашу способность выносить взаимонесоразмерность. А основанием его самого является не гомология экспертов, но паралогия изобретателей².

² Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. С. 12.

Мы на пути к Беслану

Лиотаровская, тогда новаторская, инверсия общепринятой мудрости опьяняет своим сверхоптимизмом (возможно, сравнимым лишь с вековым оптимизмом социологии в поисках всеобщего порядка). Он нашел новый путь, освобождение, интервенцию, прорыв в свободу. Спустя всего лишь 20 лет это новое видение пришло в упадок. Консенсус приводит к насилию! Давайте будем чувствительны к различиям! Празднуйте паралогию изобретателей! Мы слышали все это в прошлом веке, особенно во франкоязычной культуре *avant-garde* и в ее анализе. Мы могли бы цинично описать его как век полу-сознания, но это не применимо ко всей картине. 11 сентября 2001 года особый элемент паралогии изобретателя поколебал «ужасный» консенсус. После этого события, что бы мы ни думали о фактах, о политиках и мифологиях, соединившихся в его осуществлении, наше представление о мире *должно* было измениться.

Наша цель при пересказе той истории, которую часто теперь анализируют, – ничто иное, как еще одно просвещение, на этот раз более скромное, начинаемое со строчной «п», после долгого периода бездеятельного сна. Как предупреждал Гойя, «сон разума порождает чудовищ». В тот роковой день два авиалайнера стали социальными конструктами: они были реконструированы как оружие – отчасти «массового» поражения и отчасти самым точным образом нацеленного и управляемого. Этот деконструированно-реконструированный абсолютно новый феномен был направлен на Башни-близнецы еще одного более буквального, но в высшей степени символического социального конструкта – Всемирного торгового центра. В результате огненный шар уничтожил в том месте все, включая большое число человеческих жизней. Когда мы читаем постмодернистскую теорию, когда мы рутинно рассуждаем о социальных конструктах и лингвистическом характере социальных феноменов, осознаем ли мы на самом деле столь масштабные физические последствия? И когда мы снова изучаем эту физическую местность, саму по себе являющуюся социальным конструктом, понимаем ли мы, насколько сильно она связана в единую сеть с другими объектами, требованиями, культурными практиками, физическими нуждами и политическими альянсами? Принимаем ли мы во внимание ее сложность? Не

являются ли простые слова Лиотара по поводу «переносимости несоизмеримого» в этих условиях не только наивными, но и прискорбно неосторожными? Каждый аспект сложности и взаимозависимости социальных структур – это именно то, что игнорирует Лиотар, другие, и все мы привычно игнорируем в наших формальных упоминаниях о них. Социальные теоретики, социальные аналитики пока, в общем и целом, не пробудились к *экологии* своей исследовательской сферы.

Возможно, нам следует продолжать с большей осторожностью. Мы, разумеется, не единственные, кто понимает это. Мы должны рассмотреть идеи, высказанные в работе Бруно Латура: какие новые направления поддерживала акторно-сетевая теория? Конечно, Латур хочет «ре-политизировать» науки не в смысле превращения исследования в некий заговор (хотя такое иногда случается), но в смысле «приведения наук к демократии»³. Однако этого недостаточно. При таком подходе «их» (ученых и их специальное знание) рассматривают как проблему, тогда как мы здесь пытаемся показать, что *мы*, общность, *являемся проблемой*. Принимая во внимание запечатленное в символическом коде «9/11» событие, мы должны не только ре-политизировать социальную теорию, но осознать нашу не выраженную прямо политику. Вполне очевидно, эта политика настолько разъярила одних людей, что они решились на подобное действие, стоившее множества жизней, включая их собственные. Мы не предвидели такой катастрофы, несмотря на доходившую до нас обрывочную разведывательную информацию. Мы действительно не предвидели подобного события, потому что были не в состоянии понять, что «различие» возможно. Это униительно, особенно после турбулентности, вызванной волнами феминизма, появлением смелых сравнительных исследований в области расовой и этнической принадлежности, появлением теории инаковости (queer theory), эпистемологий, определяемых точкой зрения, и политики идентичностей. Даже после встряски, вызванной критической теорией, мы не смогли предвидеть различия. Подобно безумному философу, и его последователю – безумному ученому, критическая теория продолжала считать себя окончательной и наилучшей формой безучастной нейтральности. Именно эту

³ См.: Latour B. Politics of Nature: How to Bring the Sciences into Democracy. Cambridge (Mass.), 2004.

проблему преодолел постструктурализм, как думали его сторонники, посредством замены «генеалогии» на «диалектику» Гегеля, но последний говорит нам:

Что же касается *поучения*, каким мир должен быть, то к сказанному выше можно добавить, что для этого философия всегда приходит слишком поздно. В качестве *мысли* о мире она появляется лишь после того, как действительность закончила процесс своего формирования и достигла своего завершения... Когда философия начинает рисовать своей серой краской по серому, тогда некая форма жизни стала старой, но серым по серому ее омолодить нельзя, можно только понять; сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек⁴.

Даже Латур, всецело признающий особую роль политика, при этом считает достаточным написание новых конституций, которые «сбалансируют интересы». В мире, который считает себя «находящимся в состоянии войны с террором», в мире, который, по видимому, допускает управление с помощью «политики страха», такие глупости все еще возможны. Даже после «9/11» эта глупость все еще возможна, после Беслана, признаем, стало сложнее.

Вряд ли кто-то в цивилизованном мире мог не слышать о событиях, происшедших в Беслане, городе в Северной Осетии, в России, в первые дни сентября 2004. Большая и хорошо организованная группа террористов, бандитов, борцов за свободу, повстанцев (называйте их так, как от вас того требует ваша идеология) из Чечни в течение первой недели нового школьного года оккупировали большой школьный комплекс. Их требования и их мотивация были продиктованы накопленными обидами, связанными с отношением Советского Союза к их стране и длинным перечнем исторических обид и политических несправедливостей, порожденных вторжением, широкомасштабными человеческими потерями и разрушением их родины и их имущества. Чеченцы жаждут независимости, а их фундаменталистское крыло проявляет свои националистические устремления путем выборочного локализованного подавления других. Средняя школа № 1 не была первой их целью, и мы должны понимать, что она не станет и последней. Оружием террористов сначала является пропаганда, но конечно, идеи, которые таким образом воплотить не удастся, часто утверждают с

⁴ Гегель Г.В.Ф. Философия права / Пер. с нем.: Ред. и сост. Д.А.Керимов, В.С.Нерсесянц. М., 1990. С. 56.

помощью силы. Как когда-то написал Мао Цзэдун: «политическая власть исходит из ствола винтовки». В данном случае чеченские повстанцы продемонстрировали свои намерения при поддержке тяжелого вооружения, включающего ракетные установки, полевые скорострельные орудия и большое количество взрывчатых веществ и боеприпасов. Большая часть этого вооружения предположительно была спрятана в школьном здании заранее – до нападения и захвата. И все-таки главной темой была пропаганда.

Стратегия этого захвата, как и во многих предыдущих подобных случаях, предполагала взятие заложников, но в большем масштабе – как количественно, так и качественно. Число заложников превышало 1200 человек, среди них были учителя и родители, однако подавляющую часть этой несчастной группы составляли дети, причем дети достаточно маленькие. Символическая комбинация, соприкосновение такой разрушительной силы с таким бессилием, злого умысла с такой невинностью и очевидной уязвимостью привели к драматическому кодированию социальных и моральных нарративов, которые прорвались через международные средства массовой информации, одновременно претендуя на статус главного события и подтверждая его. В отличие от Бодрийера, предполагавшего в отношении Войны в Заливе, что вся цепочка событий развернулась исключительно внутри телевидения, мы так не считаем в отношении данного случая. Мы далеки от этого: развернувшаяся трагическая литания жестокости и разрушения была слишком реальной, материальной, отвратительной и зверской. Речь идет о том, что освещение в средствах массовой информации не было несущественным, непреднамеренным комментарием к этой истории или никак не соприкасающимся с ней. Это освещение, как и дискурсивные элементы, соединенные для возвещения монументальной значимости события, во многом, выражали само намерение.

В течение 52 часов, пока разворачивалась эта трагедия, стало пронзительно ясно, что центральной проблемой стал культурный капитал, воплощенный в детстве. Декорациями к этому событию была школа – институт, традиционно защищаемый в силу самой его сущности и назначения от структурного насилия внешнего мира. Какова бы ни была реальность школьной жизни, символическое значение школьников обеспечивает этому институту ста-

тус храма. Дети – это не просто люди, это не обычные люди, это люди особого рода – таково наше коллективное восприятие и коллективная оценка. Нанести вред ребенку кажется кощунственным, в осквернении мира детства наносится удар по наиболее сокровенным, часто неартикулируемым моральным ценностям – но они фундаментальны и разделяются всеми. Как сказал 4 сентября по окончании кошмара архиепископ Кентерберийский, глава Англиканской церкви, – это было «самым злым деянием, какое мы только можем вообразить», мы наблюдали низший предел морального падения глобального терроризма.

С самого начала нам демонстрировали кадры находящихся в отчаянии родителей и родственников, спорящих с российскими вооруженными силами, которые пытались ограничить степень запутанности этой последовательности событий, если не остановить ее. Некоторые (хотя их было и немного) заложники были отпущены – возможно, это было хорошим знаком, затем периоды кажущегося затишья прерывались звуками выстрелов – и это несомненно было плохим знаком. Когда мы пришли к пониманию того, что плана остановить происходящее или какой либо согласованной стратегии вмешательства скорей всего не существует, разверзлась взрывная черная дыра, которая поглотила жизнь, достоинство и милосердие. Полуодетые дети, те, что выжили, бежали раненные, залитые кровью, навсегда выведенные из душевного равновесия этим суровым испытанием. Издалека был зафиксирован эпизод, в наивысшей степени выразивший горестный смысл происходящего. Девочка, вероятно не более семи лет от роду, была подброшена в воздух взрывной волной и вылетела через окно гимнастического зала, где ее держали в заложниках. На ней было только нижнее белье и пара новых туфель, которые она, вероятно, впервые надела в этот первый день нового учебного года. Она приземлилась ошеломленная, но чудом невредимая, но ошеломленная. Когда она, наконец, пришла в себя и смогла подняться – вместо того, чтобы броситься в безопасное место прочь от школы, она забралась обратно в окно, считая, что будет в безопасности именно там, рядом с матерью или друзьями. Там, внутри, ее встретил второй взрыв.

Относительно безопасный внешний мир теперь породил истории расправы и непристойности. Резня, изнасилование, стрельба по человеческим мишеням, дети, которые вынуждены пить мочу

для реального или мнимого поддержания сил – все это стало возможным в этом побоище, где число жертв достигло 400 человек. Преступления были многочисленными и они разрастались в геометрической прогрессии, одновременно они были парадоксальными. Не так важно, могли службы безопасности справиться с ситуацией или нет, обладая данным уровнем профессионализма. Не так важно, что некоторые повстанцы сбежали, что преступники могли быть связаны с «Аль-Каидой» или даже Саудовской Аравией. Наиболее значимым здесь является количество детских жертв.

Подготовка этого захвата и его приведение в исполнение были основаны на стратегическом выборе детства в его символическом статусе. Здесь не было смягчающих обстоятельств, убийцы не были сумасшедшими бандитами как в случае, который произошел в Данблейне в Соединенном Королевстве, когда страдающий шизофренией расстрелял 16 детей в начальной школе и их учителя. В Беслане чеченские захватчики прекрасно понимали значение и символическое влияние детства на коллективное сознание. В то самое время, когда многие современные исследователи общества пытаются понять природу и происхождение этих значения и влияния в современном мире, в Беслане все это было возвращено нам с непониманием или неверием. Осознав фундаментальный эмоциональный символизм детства и попытавшись отменить его значимость, чеченские повстанцы не остановились и переступили пределы этого осознания. Они, в конечном счете, не отпустили детей и не попытались переосмыслить самих себя в терминах нового, хотя и ошибочного, героизма, который остался бы социальным в силу своей подчиненности в конечном счете порядку вещей, который содержится в особой онтологии детства. Нет, они безжалостно убивали настоящих детей, но, на другом уровне, они убивали также детство как область коллективного сознания, которое изгоняет особых и иных, хороших и чистых, невинных и порядочных. Беслан стоит на одном уровне по меньшей мере с Нью-Йорком 9/11 как постмодернистский маркер разрушения социальной связи.

Куда нас ведет этот апокалипсис? Открыли ли мы теперь заново истину, которую знали, например, в годы после холокоста в 1945 г., но теперь почему-то забыли – ту истину, что некоторые социальные конструкты являются просто неприемлемыми? Такое открытие обнажает неадекватную сентиментальность,

лежащую в центре идеи, что социальный конструктивизм поддерживает человеческую свободу. В действительности ничего подобного не происходит. Социальный конструктивизм вместо этого определяет действие в конкретном поле с материальными последствиями. Но есть и другой аспект, который мы не можем далее игнорировать, и это – постоянное присутствие непреднамеренных последствий. В случае Беслана, Всемирного торгового центра, Мадрида, Лондона 2005, последствия не были случайностями или результатом помрачения рассудка. Какой бы ошибочной мы ни считали мотивационную онтологию, эти поступки были рационально стратегическими. В то же время они свидетельствуют об ограниченности цели, масштаба и компетентности *нашей* рациональности в той мере, в какой рациональные стратегии властей в сфере образования, которые сконструировали школу, известную как Беслан, допустили возможность зверства, известного как Беслан, даже не догадываясь, какой стратегический приз они вручили агрессору. Позвольте выразить это иначе: школа не была причиной зверства, но сделала его возможным. В каждом случае на карту ставятся разные агенты и разные цепи инструментальных рассуждений. Это показывает, что понятие человеческого *авторства* в отношении социального мира (например, в терминах Бергера и Лукмана) неуместно. Вместо него у нас есть серия ходов в сложной сети или экологии, где «автор» (если такой термин можно вообще применить) является моделью самой связности. Аналитически мы переключились от гуманистического и постструктуралистского акцента на акторов, интерпретации и, наконец, сети, к онтологическому приоритету структуры. Акторно-сетевую теорию (и ее связь с постструктурализмом) было бы лучше переосмыслить как сете-акторную теорию. Более того, понятие «актора» само по себе структурно и лишь в минимальной степени схоже с понятием человеческого авторства или инициируемого человеком «дела».

Латур (1993, 2004) привлек внимание к взаимодействиям человеческого и нечеловеческого в вопросах социального конструирования. Там, где он делает акцент на «привнесении наук в демократию», мы делаем акцент на самоорганизующихся структурах, которые возникают из взаимодействия. Как и зверство в Беслане, они не могут быть привнесены в демократию, поскольку они орга-

низируют себя и появляются задолго до возможности определить или предсказать их. В лучшем случае, мы, «демократы», можем реагировать на свершившееся событие и тем самым порождать столь же материальное противодействие. «Наши» конструкции по самой своей природе подвержены риску. Рассматриваемый в таком свете конструктивизм неизбежно ведет к неоматериализму. Тем не менее этот паттерн материального действия и противодействия, эта динамика не описывает объект или социальный факт, она описывает сложную *систему*. Мы не можем называть ее просто *социальной* системой, потому что это по умолчанию должно было определить компоненты системы как социальные. Такое сомнение было основополагающим для Дюркгейма, но нам само понятие взаимосвязи – сети, экологии – запрещает такое упрощение. То, что «Беслан» теперь имеет два смысловых поля (школа, зверство), обозначает обремененную риском сложность. То, что мы можем называть зверство таковым, означает, что мы все еще можем перемещаться по этой территории. Впредь «Беслан» должен пониматься в разветвленном смысле.

«Беслан» указывает, что школа не должна приниматься просто как социальный факт, гомеостатическая система, или как белое поле, где могут самовыражаться авторы. Школа, принятая как социальный конструкт (понятие, с которым мы все можем согласиться в определенной мере), становится вместо этого рискованным, или *спорным пространством*. Очень важно понимать, что это не то же самое, что хаотическое пространство. Так же как мы различаем «Беслан» как школу и как зверство, это спорное пространство имеет ряд ограничений. Их можно назвать нормативными, культурно-специфическими, исторически-определенными; на самом деле все эти аргументы являются оправданными. Они, тем не менее, собраны вокруг того, что теория сложности называет *аттрактором*, указывая, что некоторые социальные характеристики и функции являются более вероятными, чем другие. Термин «естественный» можно здесь смело (особенно для социологов) предложить как родственный *аттрактору*, при условии, что мы понимаем *природу*, включая природу социального, как самоорганизующиеся, эмерджентные последовательности феноменов. Можем ли мы как социологи согласиться с родителями и детьми в том, что «Беслан», в обоих смыслах, не является естественным?

Это поставило бы под вопрос наши социологические конвенции, поскольку предполагает переход от дескриптивного к морально-оценочному. Конечно, другая критическая социология уже выбрала этот путь или скорее как будто бы выбрала более простое понятие социального конструктивизма с его акцентом на языковых играх, которые указывают нам лишь на случайное различие между конвенциями, а не на моральные императивы. Благодаря Беслану стало невозможно далее допускать смешение между «мы предпочитаем» и «мы должны».

Здесь нам нужно рассмотреть некоторые наши термины более формально. Эмерджентные или самоорганизующиеся системы (или последовательности феноменов) встречаются как в природной, так и в социальной среде: погода, рынок, половое воспроизводство, гигиена. Такие «системы» могут быть относительно стабильными или «близкими к равновесию». Другие далеки от равновесия или лишь кажутся сохраняющими псевдостабильное состояние⁵. В противоположность обычному словоупотреблению, живые и неживые эволюционирующие образования, такие как общества, на самом деле далеки от равновесия. Другими словами, они требуют вложения – еды, ресурсов и тому подобного – чтобы сохранять свое видимое стабильное состояние. Иначе они умрут или разрушатся. Как таковые, их следует отличать от хаоса, который, по определению, не предполагает стабильных состояний или повторяющихся структур. Их также следует отличать от систем в равновесии, которые для наших непосредственных целей мы можем приравнять к «объектам» (Пригожин (1984), Смит и Дженкс (2005)). Такие феномены находятся в равновесии в том смысле, что их паттерны действия и реакции с практической точки зрения закончены или осуществлены; они могут быть вновь задействованы лишь в результате радикальных изменений в энергии окружающей среды. Такие феномены по определению в высшей степени спорны или рискованны.

⁵ Учитывая ограниченные рамки, в которых системная теория была представлена Парсонсом и Луманом, оригинальные предложения Бертуланфи (1969) не просто полезно для образования, но и необходимо прочитать. Он ссылается на «стабильные состояния», на псевдостабильные состояния и, наконец, в контексте жизни на «фантастически невероятные» состояния (Р. 159). Как и у Пригожина (1984), акцент ставится на хрупкой или невозможной динамике видимо (временно) стабильного состояния в системах, которые далеки от равновесия.

Далее мы сталкиваемся со следующим набором серьезных и порой противоречащих интуиции предположений. Когда мы рассматриваем объекты, или системы в равновесии, паттерны причин и следствий кажутся вполне простыми, предсказуемыми или *линейными*. Когда мы подвергаем объект известному каузальному процессу, мы можем ожидать привычный каузальный результат. Тем не менее, поскольку системы, далекие от равновесия, сами являются сложными и должны взаимодействовать с окружающей средой, чтобы сохранить свою организацию (используя еду, топливо и т. д.), они стремятся проявить не-линейные отношения причины и следствия. Классическим примером является погода, которая является сложной но, строго говоря, не хаотичной. Схожие утверждения можно сделать и по поводу рынков, особенно фондовой биржи. Ключевым здесь является то, что взаимосвязанность этих феноменов означает, что данный причинный фактор мог бы в принципе привести к результатам различного вида или масштаба. Движения на фондовой бирже могут быть минимальными или катастрофическими по одним и тем же причинам⁶. Британский рынок недвижимости после нескольких лет роста в конце 1980-х эффектно рухнул в основном из-за действий тогдашнего министра финансов и финансовых институтов: они оказались *в состоянии* вызвать коллапс, несмотря на то, что их значение было мизерным в масштабах всего населения и потребность в жилье не изменилась существенно. Отсюда классическое предостережение, что инвестирование на основе предыдущих результатов деятельности не является рациональным мерилom текущего риска.

Еще один последний набор формальных замечаний, прежде чем мы сможем вернуться к нашей теме. Мы видели, что нелинейная причинность непредсказуема в своих результатах. Поэтому, чтобы живая система или общество могли обрести стабильное состояние, необходимо механизмы контроля развивать эволюционным путем, чтобы следствия, угрожающие непрерывности или идентичности «смягчались», а следствия, поддерживающие их, были усилены. Живые организмы используют ДНК. Люди и их сообщества дополняют эти ресурсы разумом, пластичностью, языком, культурой

⁶ Литература на эту тему очень обширна, включая такие сложные темы, как «фракталы» Манделброта. См.: Gleik J. (1987), Buchanan D. (2000), Ball P. (2004), Ormerod P. (2005).

и технологией. В рамках парадигмы, находящейся под влиянием теории сложности, такие факторы, которые мы можем в широком смысле понять как интерпретацию и интенцию, являются существенной частью социальной экологии. Они присущи самой морфологии социальных и живых образований и не являются дополнениями, прикрепленными к структурам на манер суперструктур. Это отличает обусловленный сложностью анализ и от марксистского экономического детерминизма, и от концепции «свободной» языковой *игры*, предложенной Витгенштейном, Лиотаром или наиболее экстремальными формами конструктивизма-релятивизма. Таким образом, язык, информация, культура являются не игровыми феноменами, но экологическими феноменами на одном уровне с другими экологическими формами, такими как тело, и с *качественными* возможностями, ограничениями, вероятностями, паттернами и историями. Понятие свободной языковой игры является таким же неясным, как и свободная игра тела. Это не приводит ни к хаосу интерпретаций, как в радикальном конструктивизме, ни к детерминированности интерпретации, предполагаемой позитивизмом. Скорее смысл информации, языка, интерпретации, культуры и т. д. является *сложным*. Здесь мы снова говорим об экологически стабильных структурах *в информации* и в то же время о нелинейности в их производстве⁷.

Вернемся к Беслану, к нашей поучительной трагедии. Наиболее очевидные черты этого спорного пространства, особенно как они были показаны в средствах массовой информации, тройственны. Во-первых, интересы родителей и детей, необычным образом объединенные через травму, где императив – выживание. Во-вторых, мотивация захватчиков – мы можем считать причиной их действия принятие «мученичества» и тем самым сразу же поставить всех оппонентов в невыгодное положение. Затем имеется их вооружение среднего уровня в форме автоматов, взрывчатки и критического элемента неожиданности. Тем не менее самое сильное оружие – это эмоциональный вклад как близких, так и всего сообщества, в своих детей. Третья составляющая – это государство, поставленное в особенную и неприятную позицию переговоров с потрясенными семьями, с врагом,

⁷ Для более подробного обсуждения роли информации в создании и поддержке «формы» (структуры) см.: *Smith J.A., Jenks C. 2005a.*

который, как они должны признать, жаждет умереть – никто не может вести переговоры со смертью – и лицом к лицу с общей стратегической истиной, гласящей, что «успех» одной террористической операции воодушевит другие. Оценки риска для каждого из участников в своей основе несравнимы.

Хладнокровная дескриптивная социология, опирающаяся на теорию языковой игры, может рассматривать каждую из трех, так сказать, «равных» сторон с конкурирующими интересами. Но в состоянии ли мы сохранять такую беспристрастность? Конечно, мы могли бы игнорировать эмоциональную напряженность, сопровождающую данную ситуацию. Можем ли мы называть такое абстрагирование правильным или, лучше, не представляющим риска? На основе данной позиции особенно сложно найти объяснение специфическим, столь различным мотивам каждой из сторон – как могут игры становиться такими смертельными? Альтернативный вариант, который мы могли бы в широком смысле назвать постструктуралистским, но более точно – нео-фукианским, может сделать акцент на отношениях власти–знания. Но подтверждаемое примером «стратегии без стратегов»⁸, такой подход тоже ассоциируется с образом культурных тектонических плит, которым случается столкнуться. Почему они должны сталкиваться и какая алхимия определяет особое извержение, которое мы называем Бесланом? Здесь истинное и земное отсутствие, бездна, которую Фуко так часто упоминает в удивительно экстатическом смысле. Тишина бездны – не более, чем неспособность теоретизировать на тему чего-то просто значительного. Здесь слышны крайне неудобные отголоски хайдеггеровской возвышенной философски-наблюдательной позиции к социальному положению Гитлера и к определенной политике⁹. Хайдеггеру посчастливилось избежать наказания как военному преступнику. Беслан, разумеется, является частью другого конфликта, который правильно, но ужасно называется кампанией низкой интенсивности. Должны ли мы также рисковать, просто наблюдая, или это граничит с преступностью низкой интенсивности?

⁸ *Dreyfus H., Rabinow P.* Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics. N.Y.–L., 1982. P. 108–109.

⁹ Зрительский экстаз и молчание обоих авторов (и тех, на кого они повлияли) сводится к ироническому «аполитичному» фатализму, особенно перед лицом тех, кто активен подобно Гитлеру или множеству «героических» правонарушителей Фуко.

Возможно, в данном случае это преувеличение, но тогда любая критически «заинтересованная» позиция¹⁰ по меньшей мере близка к этому порогу. Нам представляется, что полярность между аналитиком-адвокатом и нейтральным наблюдателем скрывает более продуктивную формулировку, которая основывается на необходимости, жизненности или смысле «естественного» применительно к вышесказанному.

Здесь мы утверждаем, что эмоциональные затраты на детей Беслана и современного общества в целом являются естественными, необходимыми или жизненно важными. Более того, требование такого рода затрат является структурным. Данная позиция может шокировать тех, кто интеллектуально взращен на социальном конструировании детства, особенно в том обществе, в котором иметь детей или не иметь рассматривается и как право, и как предмет выбора. Мы обращаемся здесь к эволюционной психологии¹¹ и, следовательно, к эко-онто-логическому требованию, чтобы млекопитающие заботились о своих детенышах. Это, вопреки гуманистическим социологиям, не является смирительной рубашкой. Кошки заботятся о своих детенышах не так, как собаки. Почему эволюционная психология должна предписывать практики выращивания детей существу, обладающему огромной послеродовой пластичностью человечества? Скорее, она устанавливает минимальное требование или естественное ограничение, предотвращающий риск императив или *аттрактор*, который состоит в том, что мы должны много вкладывать в благополучие наших детей. «Наши» является здесь сложным термином; мы можем эксплуатировать чужих детей или быть безразличными к их эксплуатации другими. Беслан ясно демонстрирует эту двусмысленность. Но все стороны были причастны пониманию «заботы», ее усилению в вовлеченных в ситуацию семьях, ее сознательной инверсии со стороны захватчиков и договорной двусмысленности, обусловленной более широкими обязательствами государства. Следовательно, эта эко-онтология заботы не приравнивается и не может приравниваться к конвен-

¹⁰ Такие, как «феминистская» наука. См.: *Wolf C. Critical Environments: Postmodern Theory and the Pragmatics of the «Outside»*. Minneapolis, 1998.

¹¹ Критика Туби и Космидесом «стандартной модели общественной науки» в «Психологических основаниях культуры» не может игнорироваться (См.: *Tooby J., Cosmides L. The Psychological Foundations of Culture // Barkow J.H., Cosmides L., Tooby J., eds. The Adapted Mind. Oxford–N.Y., 1992*).

циональности, как и захватчики не могут придерживаться одного соглашения и противоположного ему, как и государство не может *случайно* выбрать третий курс. Таким образом, направления действий были *неизбежными*. Это то, что сделало Беслан возможным, а действие с точки зрения каждой стороны необходимым. Когда события стали разворачиваться и обнаружилось опасности, ни у кого не было особого выбора.

Но это, конечно, не может быть правильным? Беслан не был неизбежным, он был уникальным! Тем не менее в терминах сложности, он был и остается, очевидно, предсказуемым структурным следствием, поскольку имеет общие морфологические свойства с событиями 9/11, с Мадридом, Лондоном и бесчисленным множеством других менее значительных спорных социальных пространств. Здесь работает другой аттрактор. Характерно, что его форма, как и форма заботы о детях, является столь же древней, но вполне допускающей современное выражение. Люди следовали подходу «высших» животных к выращиванию потомства, усилив его. Позади остался подход, когда из огромного множества потомков волей случая должны были выжить лишь некоторые. Теперь доминирующее представление сосредоточено на маленьких числах, на высоких уровнях вложения. Даже «инстинкт» воспроизводства изменился в сторону семьи с ограниченным числом детей. Но люди по самой своей сути общественные животные. Возможность выживания индивида и его семьи тесно связана с обществом. Борьба внутри общества, и в еще меньшей степени – убийство не являются необходимыми, но и не являются невозможными. В контексте (пост)модерности и то и другое возможно и имеет тенденцию к усилению. Это не просто образ жизни или серия языковых практик, которые поставлены на карту, но хорошо или плохо обоснованное *понимание* (perception), что на карту поставлена чья-то идентичность. А «идентичность» здесь рискованно близка по значению к понятию «существование». Манн (2005) утверждает, что лучше всего это понимать как современный феномен, углубленное чувство этничности, которое через ряд факторов, включающих территориальные споры, перетекает в борьбу, репрессии, насилие, убийства и этнические чистки. Более проста, но не менее уместна формулировка Скрутона (2002), что идентификация «мы» неизбежно является производной от «они».

Теперь мы можем предложить предварительный структурный анализ Беслана. По каким-то причинам захватчики понимали, что школа является не просто представителем деспотичного другого, но особенно уязвимым представителем. Этот выбор, независимо от изначальной рациональности, затем полностью рационализирует трансформацию «тех, о ком заботятся» в стратегическую цель для максимального военного использования. Когда процесс запускается, вмешивается серия неизбежностей, каждая сторона занимает предсказуемое положение. Захватчики определяют внутреннюю группу и группу внешнюю, по отношению к «своему» сообществу; сообщество в Беслане определяет себя как подвергшихся нападению и недоумевает в отношении природы противника. Государство обращается совсем к другому, более широкому сообществу, перед которым оно несет ответственность за свои действия. В свою очередь, атакованное сообщество претендует на приоритетное отношение. Эта битва, начатая однажды, требует, чтобы каждый сражался, исходя из осознаваемой идентичности. Это также относится и к теоретику; мы можем быть хладнокровными летописцами, даже наблюдателями, пока цена не поднимется выше определенного предела. Тогда возникает вопрос: к какому сообществу вы принадлежите? Наш выбор определит степень нашей «криминальности». Или быть может, мы должны обратиться к более сдержанным терминам: правдоподобие, справедливость, моральная ответственность. В любом случае, работает динамика, создающая микро- и макроэнтничности, к которым мы все принадлежим и в которых мы подвергаемся риску. Эти каузальные цепочки нелинейны, следствия непредсказуемы, события порождаются структурной взаимосвязью, а не отдельными человеческими действиями. Никто никогда не придет к согласию относительно того, какое именно событие запустило цепочку, которая завершилась Бесланом. Это абсолютно рационально, ни одно событие не является каузальным, система не является объектом, сложная система не имеет абсолютных границ ни в начале, ни в конце, даже границ с окружающей средой.

Здесь мы сделаем переход, который может показаться резким, от действующих сторон бесланского конфликта к понятию конфликта в школах. Это новое направление задается убеждением, что Беслан является, несомненно, крайним выражением, но выражением зем-

ной, широко распространенной и крайне важной динамики, т. е. рискованным и спорным социальным пространством школ. Беслан может быть поучительной трагедией, но ее уроки будут потеряны, если мы будем рассматривать ее как уникальное явление.

9/11, Беслан, Мадрид, Лондон, Ирак и Израильско-Палестинский конфликт – все включают макроэтнические разделения. В то же время ни в одном из конфликтов не установлена связь этничности и национального государства. Именно отсутствие национального государства более всего раздражает в случае последнего конфликта¹². Радикализация ислама также проявляется двумя способами: первый – посредством соотнесения с великой, древней традицией, и второй – посредством последовательности переинтерпретаций, которые являются сугубо современными (J.Gray, 2003, M.Castells 1997 [2004]). Это тоже имеет свои корни и мотивации в диаспоре исламских культур, по меньшей мере в той же степени, что и в исламских государствах. Думается, иракский конфликт разворачивается через сложные оппозиции и союзы, которые являются религиозными, этническими, экономическими и идеологическими одновременно. Урок, который разъясняет теория сложности, и ученые Манн, Кастельс, Грей и др., показывает, что при критическом рассмотрении этничность не может восприниматься как данная. Индивид действительно *находит* себя в некой макро- или микроэтнической группе, но образ социализирующей пустой грифельной доски является нежизнеспособным¹³. Нахождение себя в той или иной группе, таким образом, говорит не о непосредственности и постоянстве, но скорее об опосредствовании и процессе. Членство является задачей конструирования.

То, о чем мы здесь говорим, существенно отличается как от модели языковой игры, так и от тектоники *эпистем* Фуко. Влияние радикальных церковных деятелей или личностей вроде Усамы Бен Ладена или, скажем, Маргарет Тэтчер или Милтона Фридмана делает некоторых индивидов предрасположенными к бессилию, а других – к огромной силе. Это в точности является *асимметричной* формой социального конструктивизма, которая различает пре-

¹² См.: Mann M. The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing [Ch. I]. Cambridge–N.Y., 2005.

¹³ Разумеется, после Туби и Космидеса. См. также: Pinker S. The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature. L., 2002.

ступников и жертв 9/11 и т. д. Этничность не является данной, если не иметь в виду самого тривиального смысла, она является самоорганизующейся динамикой. Мы можем теперь применить то, что было недоиспользованным формальным принципом в теории сложности, а именно, принцип подобия между уровнями¹⁴. Это подразумевает, что данная макро- или микроэтничность может не войти ни в какой значительный конфликт с другой. С другой стороны, по какой-либо предполагаемой причине или в результате действия катализатора конфликт превращается в нелинейные или «экспоненциальные» формы само-дифференциации. Аргумент само-подобия между уровнями здесь означает, что нет «нормального» размера конфликта, поскольку мы говорим не о дискретном феномене, но об интерактивной, катализирующей динамике.

У этничности нет заданной меры. Она может оперировать на уровне расы; но она может оперировать также на микроуровнях и с параллельными выражениями. Приходит в голову насилие, связанное с футболом; так же как и то, что курьезным образом называется нарушениями «низкого уровня» в отношениях учитель–ученик в классе. Взрывной характер таких отношений снова подчеркивает, что любое интеллектуальное обращение к «нормальности» бесполезно на практике и приводит к заблуждению в теоретическом моделировании. Это уже давно было известно в исследованиях землетрясений, метеорологии и в исследованиях цен на бирже или лесных пожаров. Например, *по причине сложности взаимодействий* нет нормального размера землетрясения, краха фондовой биржи, лесного пожара, массы облака или этнической вражды. Все, что тут можно сказать, это что феномены крупного масштаба случаются реже, чем уменьшенные версии *схожих* взаимодействий. И напротив, там, где феномены являются дискретными, существуют нормальные пределы изменения. Например,

¹⁴ Принцип, разработанный Манделбротом. См.: Buchanan, 2000 как пример более простого обсуждения. В сущности, *по своей природе схожие* феномены могут проявиться в большем или меньшем масштабе, в зависимости от обстоятельств. Небольшие флуктуации цен и крах рынка, небольшое и большое облако обладают сходством. Рассмотренные вне нормативных или измерительных контекстов, они покажутся одинаковыми: небольшие движения цен выглядят такими же неровными, как и большие, находящиеся под увеличительным стеклом. Термин «фрактал» появляется из этих рассмотрений (на пример) «неровности».

рост большинства взрослых людей находится в пределах от 5 до 7 футов. Волна же, в свою очередь, при одной и той же механике, может быть как в несколько миллиметров, так и в 30 метров высотой. Сложные, самоорганизующиеся, интерактивные системы могут порой подражать дискретным феноменам или оставаться в характерных для дискретных феноменов пределах, но они не ограничены ими. Следует обходиться без надежды в ситуации, когда социальный анализ обращен на сложные, социозэкологические сферы исследований, поскольку его возможности предсказать риск непропорционально низки, а ожидаемые результаты находятся в нереалистично узких пределах.

Обратите внимание, что описанное здесь – это не хаос, а сложность с понятием подобия уровней. Вооружившись этим понятием, мы можем более точно определить Беслан: это не отказ от социальных связей, но их продолжительное, сознательное извращение. Отношения взрослый–ребенок и член сообщества–общество поворачиваются против самих себя. Практически то же самое можно сказать об обычных авиационных налетах на города, об экономических или военных конструкциях Второй мировой войны. Они были полностью разрушительными, абсолютно не-созидательными и нацеленными на разрушение вражеского общества на системном уровне. Объект не является, или пока не является, восстанавливаемым: сначала приходит разрушение, разъединение, уничтожение. Такие действия, хотя *возможно* выполняемые под флагом благовидной функции (демократия, свобода, подчинение воле Господа) сами по себе являются абсолютно дисфункциональными. Это и есть их рациональность: они будут рисковать *всем*, чем дорожит внешняя группа.

Пример 1. Учитель естествознания без какой-либо особо плохой или злой репутации ранее потерял глаз. Ученики *коллективно* решили, что будет «забавно» прицелиться в его оставшийся глаз лазерным указателем-ручкой, популярным на дискотеках. Учитель, заработав нарушение зрения, к счастью, не постоянное, не стал возбуждать никакое дело, только сообщил о нем. Когда его спросили, почему он этого не сделал, он сказал, что не стоило ничего затевать, поскольку он знал, что ничего не будет сделано. Школа позже получила похвалу от Управления стандартами в образовании (Великобритания).

Пример 2. Лаборантку (LSA – learning support assistant) постоянно называют «распутной», и мальчики из класса предлагают ей заняться сексом. Несмотря на то, что она ничем не отличается от других лаборанток, приставания становятся настойчивыми и крайне разрушительными. Хотя в данном случае дело касалось одной лаборантки и конкретных групп, с которыми она работала, подобное отношение в этих случаях все же оставалось коллективным.

Пример 3. Мальчик решает рискнуть и съехать по перилам лестницы с тремя площадками. Он падает, но избегает серьезных повреждений.

Пример 4. Один из учителей постоянно сталкивается с нарушениями «низкого уровня». Ученики не хотят усаживаться. Игры в догонялки происходят прямо в классе. Ученики из коридора постоянно заходят в его класс, обзывают его или его учеников. Любой «старший учитель» способен войти в класс и заставить класс стоять и внимательно слушать. Как только он исчезает, нарушения снова продолжают. Различие не является пропорциональным, нормальным или рациональным. «Старшие» и «младшие» учителя не только имеют приблизительно равную власть, они являются частью одного и того же институционального процесса. Но различие в восприятии детьми риска, для любых практических целей, является абсолютным.

Каждый, кто когда-нибудь работал школьным учителем, особенно в средней школе, признает эти случаи и их «экстремальные» пределы вполне обычными. Тот же человек как школьный учитель не признает, что такие события случались в «его» школе. Родители таким же образом знают и не знают. Управление стандартами в образовании и политики, похоже, закрывают на это глаза. Лаборанты, которые работали в школах, знают уровень нарушений в каждом классе за исключением того, где учится их сын или дочь. Когда их ребенок активно нарушает или претерпевает дисфункциональное поведение, это их удивляет. Аналогично Бесланской инверсии, мы находимся посреди *не*-рациональности. И все же парадоксально, что это использование антирационального, по крайней мере частично, является намеренным и стратегическим. Каким-то образом в каждом случае иррациональные стороны могут игнорировать или снижать цену негативности; тогда как для рациональных

агентов это крайне трагично. Мы можем разрешить этот явный парадокс, сказав, что процессы рационализации представляют нелинейные паттерны осуществленного следствия.

Конечно, мы не хотим изображать школу в карикатурном виде или создавать стереотип, указывающий на то, что школы, в современной терминологии, терпят неудачу. Многие школы достигают прекрасных результатов и, в отличие от упомянутой выше, действительно заслуживают поощрения Управления стандартами в образовании. Мы, тем не менее, предполагаем, что в этом спорном пространстве школы нарушения очень широко распространены. Все, кто связаны со школами, также знают о распространенной практике укрывания, связанной с Управлением стандартами в образовании. В самом деле, странно, что инспекторы об этом не слышали. Более того, мы говорим не о том, как школа «делает свое дело». Мы описываем, с одной стороны, радикальный конфликт (Беслан и подобные), а с другой стороны, менее масштабные, но структурно схожие проявления. Вопрос заключается в риске, укорененном в самой способности спорных социальных пространств изменять направление от умеренной солидарности и порядка к разрушению, насилию, репрессии и «чистке». Именно обостряющееся различие между внутренними и внешними группами, с множеством точек зрения, является структурно интересным. Также очевидно, что даже в несомненно связанных институтах и общественных отношениях суждения о «внутреннем» и «внешнем» являются мощной организующей динамикой, которую легко усилить.

Мы предложим теперь структурное описание сторон спорного пространства школьного обучения. Опять-таки, это не для создания карикатуры, а для того, чтобы указать демаркацию общепринятых на данный момент, представляющих интерес множеств. Во-первых, хотя порядок не предполагает ранжирования, это правительство. Сфера образование в Британии близка к тому, чтобы быть государственной монополией, намерение государства навязывать свой учебный план и цели редко когда было более выраженным. Желание диктовать задает второй уровень контроля или интереса, который намного сложнее определить. Поскольку профессия учителя далека от той, которой доверяют (отсюда необходимость контроля), интеллигенция, частично политическая, частично культурная, частично академическая, частично наблюда-

тельная, рассеяна между полномочиями государства и профессией учителя. Эта элита теперь должна передать свои требования и свои законы для «осуществления» профессией. Здесь есть по меньшей мере существенный риск конфликта интересов, и история таких командных экономий не впечатляет. В представлении учителей как третьего уровня, следовательно, есть некоторая неопределенность, опять же, относительно их клиентской группы. Возьмем ли мы в качестве клиентов учеников, их родителей, или необходимо использовать более широкое понятие ответственности деятелей образования перед обществом. Последнее объединяет множество моральных, экономических измерений. Представим учеников в качестве четвертого уровня, как «непосредственных» клиентов, а родителей и «общество» как пятый и шестой уровни, через косвенные клиентские отношения. Также будет полезно рассмотреть, где именно происходит насыщение знания. Явно в важнейшем центре доставки находятся: учителя и ученики, которые реально посещают школу. Все остальные стороны по сравнению с ними плохо информированы, в том числе информационная или законодательная элита. Такое распределение знания очень перегружено риском, особенно в связи с тем, что несоответствия нельзя ощутить. Как сказал Луман (1995), «система может видеть только то, что система может видеть», имея в виду, что риск находится за горизонтом ожиданий вовлеченных сторон. Но система может конструировать и входить в новый процесс рефлексии и самонаблюдения. Это цель нашей модели сложности.

Заключение

Модели постепенного стимулирования и командной экономики предполагают, что образцовые намерения информационно-законодательной элиты, вопреки информационной и институциональной *отдаленности* от пункта назначения, будут в значительном объеме перенесены без серьезной деформации. Добрая воля и обоснованная позиция учителей, учеников и, наконец, избирателей, будут по очереди рециркулировать в политическом процессе, поддерживаемые благоразумным «исследованием», которое, оказывается, также нуждается в общественном финансировании.

Это наивная модель линейной или механической причинности. Учитывая число вовлеченных сторон и большую асимметрию информации и власти, она вряд ли является рациональной. Намного более вероятно, что намерение – *особенно намерение контролировать* – будет изменено на самом уровне взаимодействия. Такой процесс будет генерировать интересующие нас микроэтничности и культуру, взаимодействие которых в большой степени вероятности будет нелинейным, способным вызвать серьезное усугубление осознаваемого различия. Таким образом, становится реальным и *обычным*, что абсолютно безобидный человек должен подвергаться опасности, когда совершенно обычная группа подростков «для смеха» нападает на его единственный глаз. Более того, он убежден в том, что «ничего не будет сделано». Это земная правда, которая не вписывается в командную экономику и линейную причинность. Проблема не в подростках, но в командной модели; первые жестости, но тривиальны, последняя преследует благие намерения, но абсурдна и обладает властью. Наивно ожидать, что все получится так, как задумано или приказано, что пространство риска для таких тривиальных и других, не таких уж тривиальных, жестокостей обусловлено небрежностью. Крайне важно отметить дисфункциональные качества этих противодействий. Их необремененность конструктивной ответственностью стала нормой. Она же является непредвидимым спутником командности.

Но не только командная экономика в ответе за это. Структурное требование не так просто увидеть вначале. Представьте, как член общества социализируется в микроэтничности, подобной описанной выше. Очевидно, что он одновременно предшествует и в то же время является восприимчивым к практикам членства. Но эта восприимчивость опять же описывает асимметричное распределение власти: легче возглавлять, получать прибыль, продвигаться по службе, быть понятным там, где практики согласуются с импульсом динамики; риск минимизируется. С другой стороны, повсюду от недовольных слышен рефрен отчуждения, отчаяния и бессилия. Где это становится *обычным*, основой чьей-то (микро) этнической семьи, там мы имеем свидетельство необычной сложности социального изменения – сложности не только в силу обычных подозрительных порочных политиков, заговоров против «нас» – но именно в силу взаимосвязанности. Не дискретный феномен ста-

вится на кон, но изменение социо-экологической системы. Именно поэтому деконструктивные, негативные или дисфункциональные стратегии более вероятны, более возможны и менее затратны, менее рискованны, и, наконец, они усиливают микро-идентичности, даже там, где долгосрочные перспективы крайне дорогостоящи.

Как можно смириться с понятием естественного перед лицом сложной нелинейной динамики, которую нельзя свести к нормам и незначительным отклонениям? Мы видели, что движущая сила обнаруживается во взаимосвязанности социальных феноменов за счет инвестирования энергии в эту экологию. Разрушение и деконструкция тогда скорее всего будут просто негативными, если только они не смогут управлять масштабными контр-ресурсами и альтернативными идеологиями. В XX в. мы видели ужасающие попытки, как слева, так и справа, найти оппозиционные социо-экологии, оборачивающиеся горячей и холодной войной. Они провалились. В таком случае мы можем сначала, в качестве пробы, уравнивать идею естественного с осознанием того, что может вынести существующая социо-экология. Она не может вынести Беслан в его агрессивном смысле, как и, мы утверждаем, широко распространенный в британских школах уровень разногласий, который не всегда является разрушительным. И то, и другое является неестественным в том простом смысле, что они предлагают риск, слишком высокий, чтобы согласиться на него.

Предлагаем ли мы тогда естественное как плохую маскировку того, что называется конформизмом, или, в наихудшем виде, авторитарным режимом? Такая позиция возможна и, несомненно, является угрозой человеческой свободе. Что тогда можно сказать о возвышающемся голосе тех, кто, как мы сами видим, страдает от нашей системы образования? Мы не можем по совести называть это *неестественным*. Это дилемма для критической теории, сформулированная выше как вопрос: к какому обществу ты принадлежишь? Мы должны ответить, что, поскольку альтернативы являются просто деконструктивными, мы *должны* принадлежать к позитивному обществу, даже если оно, до определенной степени, авторитарно, или, более мягко, авторитетно. В то же время это возлагает на нас долг перед теми, кто противостоит нам. Крайне важно, что этот долг нельзя разрушить: такая лицензия на нанесение ран является абсурдной азартной игрой. Предоставление соци-

ального пространства для основания конструктивных альтернатив является правильным ответом. Это возможно через расширение демократии, выбора и самоопределения. Принимая во внимание слабость командной экономики и авторитарных режимов, нам надо рассмотреть альтернативы государственной монополии на образование, разрешение обязательному ученичеству перейти от текущего псевдосостояния «пользователя-по-законодательству» к реальным производителям и потребителю с выбором. Это позволит ученикам *и родителям* использовать естественные права и обязанности, которых в настоящее время закон их лишает. К какому обществу может принадлежать критическая теория риска?

Библиография

1. *Ball P.* Critical Mass. L.: Heineman, 2004.
2. *Bertalanffy L. von.* General System Theory. N.Y.: Braziller, 1969.
3. *Buchanan D.* Ubiquity. L.: Weidenfeld and Nicholson, 2002.
4. *Castells M.* The Power of Identity. Oxford: Blackwell, 1997 [2004].
5. *Dreyfus H., Rabinow P.* Michael Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics. N.Y.–L.: Harvester Wheatsheaf, 1982.
6. *Gleik J.* Chaos. L.: Abacus, 1987.
7. *Gray J.* Al Qaeda and What It Means To Be Modern. L.: Faber, 2003.
8. *Lyotard J.-F.* The Postmodern Condition. Manchester: Manchester Univ. Press, 1984.
9. *Mann M.* The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing. Cambridge, N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2005.
10. *Pinker S.* The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature. L.: Allen Lane, 2002.
11. *Prigogine I., Stengers I.* Order Out of Chaos. N.Y.: Bantam, 1984.
12. *Ormerod P.* Why Most Things Fail: Evolution, Extinction and Economics. L.: Faber, 2005.
13. *Scruton R.* The West and the Rest: Globalisation and the Terrorist Threat. N.Y.–L.: Continuum, 2002.
14. *Smith J.A., Jenks C.* Qualitative Complexity: ecology, cognitive processes and the re-emergence of structures in post-humanist social theory. L.: Routledge, 2005.
15. *Smith J.A., Jenks C.* Complexity, Ecology and the Materiality of Information // Theory, Culture & Society. 2005. 22(5). P. 141–163.
16. *Tooby J., Cosmides, L.* The Psychological Foundations of Culture // J.H.Barkow, L.Cosmides, J.Tooby, eds. The Adapted Mind. Oxford–N.Y., 1992.
17. *Wolfe C.* Critical Environments: Postmodern Theory and the Pragmatics of the «Outside». Minneapolis: Univ. of Minneapolis Press, 1998.

Перевод Е.О. Труфановой